

Художественный руководитель МХТ Олег ТАБАКОВ:

ДМИТРИЙ ХРУГЛОВ

«Я уже в том возрасте, когда никому не завидуешь»

Михаил Малыхин

Сегодня исполняется 70 лет Олегу Табакову. В Московском Художественном театре соберутся те, кто хочет поздравить учителя, коллегу, руководителя и друга. Официальный же юбилейный вечер пройдет в сентябре в родном городе Табакова – Саратове на сцене местного ТЮЗа. Тогда же в Саратове откроется неделя московских театров под общим названием «Семь дней с Олегом Табаковым». О днях сегодняшних Олег ТАБАКОВ рассказал в интервью «НИ».

– Олег Павлович, остались ли у вас непокоренные вершины, есть ли мастера, которым вы завидуете?

– Думаю, что всерьез итоги подводятся уже там, по ту сторону Стикса. Но в одном я состоялся несомненно: у меня дети, трое внуков, есть целый ряд состоятельных в художественном смысле учеников. То есть весь я не ум-

ру, душа будет жить в том, что будут делать Женья Миронов, Миша Хомяков, Андрей Смоляков, Саша Мохов, Дуся Германова, Марина Зудина, Ольга Блок (она, может, не прямой мой ученик, но очень близкий мне человек). Я имею в виду, прежде всего, «Табакерку». Вы знаете, если выстроить моих учеников, то это будет радость для глаз. Вот это для меня главное – в конечном итоге. Мне кажется, что я уже в том возрасте и в той весовой категории, когда никому не завидуешь, потому что они что-то делают лучше тебя. Или достигли большего.

– Вас называют человеком, который умеет брать ответственность на себя. Не слишком ли тяжела эта ноша? Есть люди, к мнению которых вы прислушиваетесь? Может, это критики?

– У меня были и есть критики, которых я уважаю. Володя Лакшин, Майя Туровская, Инна Соловьева, Володя Медведев, покойный Саша Свободин. Да и среди нынешней молодежи есть талантливые люди, я не буду называть их. Но думаю, что самый строгий ценитель того, что делается в театре, это я сам.

Окончание на стр. 5

Новые известия - 2005 - 17 авг. - с. 15

О, счастливчик!

Олегу Табакову – 70

Ольга Егошина

В театральном мире Олег Табаков давно воспринимается своеобразной суверенной державой, влиятельной, непредсказуемой, бурно развивающейся. Словосочетание «Олег Табаков» уже перестало быть именем собственным, а приобрело черты почти нарицательные. Так в очереди распаленный гражданин сурово кричит на обидчика: «Ты чего о себе воображаешь! Не Табаков, чай!»

У Олега Табакова имидж одного из самых успешных деятелей сегодняшней России, чье положение не могут поколебать ни политические перемены, ни экономические дефолты. Руководитель Московского Художественного театра, он недавно со скромной гордостью отчитался перед страной, что за пять лет на посту поднял сборы в несколько раз и утроил число премьер, увеличил зарплаты актеров и превратил МХТ в полигон для молодых режиссеров самых разных театральных направлений. Если принять успех мерилем прожитой жизни (а, без сомнения, это одна из наиболее привлекательных ценностей), то Табакову, как никому другому, есть чем гордиться в свой юбилей. Когда-то в древних Афинах специально для граждан, чье влияние и политический вес становились слишком ощутимыми, специально изобрели ostracism. Слишком процветающего гражданина немедленно отправляли в изгнание. И все «наезды» на Табакова последних лет восходят к этому обычаю. «Что-то его слишком много! Чего это все страдают, а он процветает!» Правда, изгнав очередного «слишком заметного» гражданина, афиняне немедленно раскаивались и возвращали его обратно, поскольку замены найти, как правило, не удавалось.

Его жизненный путь с удовольствием обрисовал бы автор «Крестного отца» Марио Пьюзо, писатель, которому особенно интересны были молодые люди, «делавшие себя» хозяевами жизни, те, которым везло, потому что они «везли». Провинциальный саратовский мальчик, росший в трудные годы войны, Табаков часто вспоминает (и напоминает слушателям) о том, как его мама «поднимала» двух детей, работая на двух ставках и готовя традиционный ежедневный борщ и на обед, и на ужин. На всю жизнь запомнит,

как соученики по Школе-студии приходили раскулачивать его продовольственные запасы («лежу с мигренью после вечеринки, сил нет поднять головы, и вижу, как над моей постелью мои друзья радостно приканчивают мою гущенку»). И будет следить, чтобы его ученики голодными не ходили.

Как человек, всего достигший сам, Табаков любит «дернуть судьбу за усы», без опаски сплзнуть вдруг признается: «Я – счастливый человек!» или: «Я – богатый человек!». Он кажется таким довольным собой, что одновременно радует взор и возмущает нравственное чувство. К «счастливчикам» у нас относятся настороженно. А уж к тем, кому действительно везет, а они еще и удачей хвастаются, – особенно.

В галерею сотни актерских образов, созданных Олегом Табаковым, входит и созданный им в жизни образ человека-победителя, которому дали и карьера, и фортуна, уверенно организующего свое дело и пространство вокруг себя. Если принять толстовское определение «люди – как реки», то надо признать, что «Табаков» включает в себя множество источников и ключей, иногда несмешиваемых и почти несовместимых. Тут и прекрасная жесткая хватка, которую он сам называет «бульдозерной настойчивостью». И поразительное терпение какого-нибудь средневекового строителя, которому хватает сил и воли, таланта изо дня в день строить свою крепость. Про обаяние таланта Табакова лучше всех сказал его учитель Олег Ефремов: «Каждый его приход в «Современник» (на репетиции, на спектакль) сразу создавал вокруг него некое магнитное поле доброты, открытости, улыбок, которые появлялись даже на лицах людей, по натуре замкнутых, неулыбчивых... Он вносил в нашу многосложную жизнь уверенность, какое-то светлое и радостное начало...» «Солнечные мальчики», сыгранные молодым Табаковым – Миша, Толя, Славик, – подкупали и радовали своей отзывчивостью, открытостью, готовностью немедленно откликнуться и помочь.

В 29 лет Табаков, по его словам, «неосторожно подхватил инфаркт», и почти на сезон оказался прикованным к постели. Переломный год вынужденной инвалидности стал переломным для Табакова-человека и Табакова-актера. На сцену вернулся умудренный и искушенный виртуоз, обладающий безжалостной точностью видения своих героев. Сейчас можно сказать, что Табаков один из самых закрытых актеров русской сцены, наименее склонный к лирическому самовыражению. Десятки ролей, де-

ДМИТРИЙ ХРИТОВ

сятки характеров. Он с равной убедительностью носит современные и исторические костюмы. Играет в комедии и драме. Ему равно даются жизненная достоверность и

гротесковая заостренность. Его кот Матроскин становится персонажем вполне фольклорным, а сыгранный у Михалкова Илья Ильич Обломов – киноклассикой.

«Я уже в том возрасте, когда никому не завидуешь»

Окончание. Начало на стр. 1

– То есть даже не зритель?

– Нет. Не зритель. Зритель обманываться рад. Иногда бывает, что он не видит чего-то существенного или реагирует на дешевку, фальшивку. Зрителя можно понять, он заплатил деньги, пришел с девушкой, чего же ей портить настроение? Потом, у нас доброжелательная публика, в России актеров любят, пожалуй, как нигде.

– На ваш взгляд, критики театру помогают или мешают?

– Талантливые люди помогают, а неталантливые... Впрочем, я давно ко всему этому отношусь спокойно.

– Про вас тоже говорят, что своих актеров вы любите и даже балуете...

– Просто, потеряв целый ряд близких людей, я понял, что надо успевать живым дать побольше. Любить. Любить – это ведь очень конкретное. Знаете, как Станиславский спрашивал актера: «Что такое лю-

бить?» – и отвечал: «Это желать касаться». А желать касаться – это значит подержать или помочь. Любовь – это занятие активное, любовь – это то, что удерживает человека на этом свете, в этой жизни.

– Что бы вы назвали главным свойством, необходимым актеру да и просто интеллигентному человеку?

– Наверное, толерантность, умение поставить свою точку зрения под сомнение. Душевность. Доброжелательность. Это свойства интеллигентного человека, русского интеллигентного человека. Как-то я попал в такую семью интеллигентных русских людей. Мы были знакомы с внучкой Валентина Александровича Серова – Ольгой Александровной Хортик. Я заболел довольно тяжело, и она, желая как-то помочь мне, привезла меня в дом свой, это было на Большой Молчановке, дом 18, квартира 10. Там прожил как нахлебник года два. Через эту квартиру проходили люди, воз-

Роль Сальери в «Амадее» Шеффера – первую роль на сцене Художественного театра, куда он перешел в 1983 году, – Табаков сыграл с тем концертным «брио», которое уже 20 лет обеспечивает аншлаги этой постановке. Можно представить себе Сальери, сыгранного трагичнее или глубже, но блистательнее – невозможно. Табаков играет комедианта, упивающегося самим процессом жизни-игры, получающим удовольствие от каждого мгновения, отвратительного и неотразимого. Доза лицедейства, отпущенного каждому человеку, всегда интересовала Табакова. Актером был его Коломийцев в «Последних» Горького: дворянин, пошедший на службу в жандармы, краснбай, упивающийся самим процессом словоговорения. В Коломийцеве с удовольствием видели перекличку с политическими деятелями современности, но, пожалуй, прежде всего он был плохим актером. Доза комедиантства ощущалась и в его несчастном пенсионере Иване Жукове, пишущем письма английской королеве, и в вальяжном профессоре с ораторскими замашками – Себрякове.

Бывают актеры, опережающие свое время, предвосхищающие будущее. Бывают актеры, остающиеся в своем времени и не желающие меняться. Олег Табаков живет в ладу с пульсом меняющейся жизни, пластично осваивая ее новые требования, по-актерски проживая характеры новых героев времени и воспитывая учеников, давая советы президенту страны, а главное, оставаясь человеком, который, как его кот Матроскин, точно знает – с какой стороны вкуснее кушать бутерброд.

вращающиеся из ГУЛАГа, там они оттаивали и шли дальше. Там было совсем немного денег, но кофе хватало на всех, и суп грибной заправляли перловкой, чтобы он не был таким жидким, чтобы его хватало. Для меня до сих пор эта семья остается примером и эталоном интеллигентности.

– Сегодня быть интеллигентом не просто...

– Интеллигентам вообще всегда жить нелегко. Потому что неловко. Мне лично неловко, что я так живу. Я ведь не так уж много денег зарабатываю, но когда вижу человека, попавшего в беду, бывает, что от своих небольших денежных запасов посылаю кому-то что-то. Причем я делаю это скорее для себя, потому что в тот момент сжало горло, перехватило где-то там.

– Но ведь всем страждущим так не можешь, и потом, интеллигентность, она не деньгами выражается.

– Я не про денежный эквивалент говорю, а про отзывчивость на боль.